

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Андрей Щербак

Парадоксы европейской
урбанизации в раннее
Новое время
(1500–1800 гг.):
структурный подход

Препринт М-66/18

Центр исследований
модернизации

Санкт-Петербург
2018

УДК 321
ББК 66.3
Щ 61

Щ 61 Щербак А. Н.

Парадоксы европейской урбанизации в раннее Новое время (1500–1800 гг.): структурный подход / Андрей Щербак : Препринт М-66/18. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. — 42 с. — (Серия препринтов; М-66/18; Центр исследований модернизации).

Данная работа посвящена исследованию урбанизации в Европе в раннее Новое время — с 1500 по 1800 г. В литературе ведется длительная дискуссия о характере и причинах роста городов с началом модернизации. Часто преобладает точка зрения о противопоставлении «продвинутых городов» «отсталой деревне», равно как и представление о том, что рост городов в Европе можно представить как следствие удачных (часто случайных) институциональных решений, во многом касающихся становления органов коллегиального самоуправления в городах. В данной работе содержатся возражения этим точкам зрения и предлагается рассматривать процесс развития городов с позиции структурного подхода. Согласно ему, становление инклюзивных институтов «вызывает» в благоприятных структурных условиях. Удачное сочетание экологических и географических условий, опосредованное демографическими процессами, определяет вероятность модернизации.

В фокусе исследования — как разнообразные эмпирические оценки динамики развития городов, так и критический обзор факторов успешной урбанизации. Выделяются три основные группы факторов — политико-институциональные, демографические и географические, особое внимание уделяется важности удачной экологической ниши как структурной предпосылки для роста городов. При этом основной вывод исследования заключается в отсутствии какого-либо «суперфактора» урбанизации: развитие городов определяется сочетанием всех факторов, это своего рода интерактивный эффект экологии и институтов. Опыт Западной Европы сравнивается с аналогичными процессами в Китае, исламском Востоке и России.

Информация об авторе: Щербак Андрей Николаевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований, НИУ ВШЭ, доцент департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург; научный сотрудник Центра исследования модернизации ЕУСПб.

© Андрей Щербак, 2018

Введение

Как Европа стала самым передовым регионом мира? Один из наиболее популярных объяснительных подходов — теория модернизации — утверждает, что в ряде европейских обществ произошли качественные изменения в таких важнейших сферах, как экономика, политика, наука, что в итоге и обусловило подъем Запада. Достижение теории модернизации состоит в том, что она позволяет выделить несколько фундаментальных и взаимосвязанных общественных процессов, которые и составляют суть перехода от традиционного общества к современному, или модернизацию. К таким процессам обычно относят урбанизацию, индустриализацию, колониальную экспансию, становление капитализма, расширение доступа к массовому образованию, секуляризацию и демократизацию. В данном докладе все внимание будет уделено именно урбанизации как одному из ключевых и наиболее ранних элементов. В самом деле, если капитализм, промышленность, наука — это явно достояние эпохи модерна, то крупные развитые города существовали во все времена и во многих регионах. Многие аграрные империи славились своими богатыми и густонаселенными городами; но только Европа в Новое время стала по-настоящему городской цивилизацией.

Несмотря на то что сложился устоявшийся консенсус относительно того, что урбанизация, или рост городов, в Европе — это источник капитализма и современности, существует определенная дискуссия о причинах урбанизации. На мой взгляд, загадка европейской урбанизации так до конца и не раскрыта. Я хотел бы обратить внимание на две добсуждаемые проблемы.

Первая дискуссия ведется относительно связи между позднесредневековым европейским городом и модернизацией. Известный голландский социолог Ян де Фрис писал о двух традициях в литературе. Первая

описывает средневековые европейские города как «нефеодалные острова в феодальном море»; как оплоты прогресса, с другим правом и социальными практиками — в мире отсталости и невежества [De Vries 2006: 4–6]. Дмитрий Травин, перефразируя Фернана Броделя, пишет, что европейские города были «кострами процветания» в средневековой Европе [Травин 2013]. Эта традиция вполне заслуженно представляет города центрами всех передовых идей и инноваций. При этом она противопоставляет продвинутых горожан и отсталых крестьян: первые являются носителями прогресса, вторые — оплотом невежества и тормозом преобразований. С другой стороны, де Фрис подчеркивает, что города были и неотъемлемой частью феодальной системы и их привилегии и автономия ушли с появлением централизованных национальных государств. Если классический средневековый торговый и купеческий город и был «костром процветания», то рост современных государств «потушил» его [De Vries 2006: 7–8]. К началу Нового времени средневековый город во многом себя изжил, и его неотъемлемые признаки — цеха, гильдии, монополии, купеческие олигархии — становились тормозом для прогресса. Историк экономики Джоэль Мокир отмечает, что гильдии долго и упорно противились внедрению инноваций¹ [Мокир 2014]. С этой точки зрения, средневековые города — часть архаичного феодального порядка; не существует какой-либо линейной связи между историческим наследием средневекового города и подъемом промышленного города в Новое время. История европейской модернизации — история «скачка», а не линейного последовательного восхождения. При восприятии модернизации как синдрома «прогрессивные города» не противопоставляются «отсталой деревне»; наоборот, прогресс городов тесно связан с прогрессом в деревне.

Вторая дискуссия ведется вокруг причин урбанизации. В ней, на мой взгляд, довольно незаслуженно доминируют политические и институциональные объяснения. Если кратко, то объяснения роста европейских городов часто сводятся к удачным (если не случайным) институциональным решениям и историческим обстоятельствам. Европейские города породили институты коллегиального управления, которые в дальнейшем стали частью европейской матрицы инклюзивных, по Дарону Аджемоглу и Джеймсу Робинсону, институтов [Аджемоглу, Робинсон 2015]. С этой

¹ Например, в XIV в. гильдия писцов в Париже добилась отсрочки появления печатного станка на 20 лет; в XVI в. городской совет Данцига якобы приказал утопить изобретателя лентоткацкого станка [Мокир 2014: 282–283].

точки зрения, коммунальные институты (городское самоуправление), «магдебургское право» — ключевые факторы особого пути европейских городов [Травин 2013]. Однако важнейший индикатор урбанизации — доля городского населения — это не только экономический и политический показатель, но еще и демографический и сугубо градостроительный. Причины процесса урбанизации стоит искать в разных сферах: не только в институциональных решениях, но и в области демографии, географии и экологии.

В данной работе продолжается традиция моего предыдущего пре-принта, в котором был предложен структурный подход, подчеркивавший значимость экологических и географических факторов для европейской модернизации [Щербак 2017]. Рассматривая в сравнительной перспективе урбанизацию и ее причины в Европе с 1500 по 1800 г., я попытаюсь показать, что одним из важных факторов стоит считать экологическую нишу Северо-Западной Европы. При этом речь идет не о географическом детерминизме, а о силе интерактивного эффекта географии и институтов при учете опосредующей роли демографии.

В той степени, насколько это возможно, я буду рассматривать урбанизацию не только в ведущих европейских странах (Англия, Нидерланды, Бельгия, Франция, Германия, Испания и Италия), но еще и в Китае, исламском Востоке и России. Такой разброс стран нужен для того, чтобы сравнить паттерны модернизации не только между Югом и Севером Европы, но между Европой и ее основными цивилизационными конкурентами в Новое время. Ведь если в Средние века самые развитые города находились на Ближнем Востоке и в Китае, то к началу Промышленной революции у европейских городов были явно более высокие темпы развития. Особый интерес представляет смена ареала развития в Европе с Юга на Север в раннее Новое время: Италию и Испанию потеснили Англия и Нидерланды.

Структура настоящей работы выглядит следующим образом. В первой части будут рассмотрены количественные показатели, измеряющие динамику урбанизации европейских городов с 1500 по 1800 г. При наличии источников даются цифры и по Китаю и исламскому Востоку. Во второй части рассмотрены причины урбанизации в Европе. Особое место уделяется демографическим и географическим объяснениям роста европейских городов, особенно в сравнении с Китаем. В третьей части акцентируется особое внимание на экологических факторах, которые увязываются с производительностью сельского хозяйства. В Заключение содержатся выводы и дискуссия о связи модернизации, урбанизации и географии.

Измеряя урбанизацию в Европе в раннее Новое время

По определению урбанизация — это процесс развития городов, связанный с их ростом. Но перед тем как перейти к разнообразным оценкам численности городов и городского населения, стоит обратиться к вопросу об определении единицы анализа — «города». Возникает сразу ряд одновременно простых и сложных вопросов.

Во-первых, что такое город и как его определять? Ведь в зависимости от определения будет (сильно) варьировать и численность городов, и их население. Здесь есть два принципиальных подхода. Первый, «количественный», заключается в том, чтобы считать городом поселения с населением выше определенного порога — например, 2 тыс., 5 тыс. или 10 тыс. Соответственно, мы причисляем к городам поселения выше определенного порога численности, считая, что N тыс. населения — это и количественный, и качественный порог, чтобы считаться городом. Жители будут преимущественно заниматься «городскими» видами деятельности, и поселение в целом будет выполнять свои «городские» функции — торговля, управление, защита, логистика, культура и т. д. Второй подход, «функциональный», ставит на первое место именно выполнение городских функций. Мы интуитивно понимаем, что город — это не село, и он должен отличаться какими-то своими характеристиками. Описывая города Южной Италии, особенно Сицилии, Паоло Маланима указывал, что часто города оказывались «большими деревнями», т. е. поселениями, где жили преимущественно крестьяне [Malanima 1998: 102]. В то же время на Севере и в Центре доля крестьян в городах редко превышала 5 %. В гораздо большей степени в литературе представлена первая традиция определения города [De Vries 2006; Bairoch 1991; Chandler 1987], ее я и буду придерживаться. Конвенциональными порогами для определения города являются 5 и 10 тыс. чел.; в работе представлены оценки с обеими цифрами.

Во-вторых, если ключевой показатель — «количественный», то как подсчитывается численность городов? Иными словами, каковы способы оценки населения исторических городов и насколько они достоверны²? Точные и достоверные данные по численности городского населения в Европе появляются в ряде стран на рубеже XVIII и XIX вв., когда начали

² Есть серьезные вопросы, касающиеся точности оценок населения Москвы по переписи 2010 г. [подробнее см. Андреев 2012]. Что уж тут говорить о точности оценок населения несколько веков назад.

проводиться первые переписи населения. До этого момента речь идет только об исторических оценках населения городов. Они, как правило, основаны на сочетании косвенных письменных источников (налоговые данные по численности домохозяйств, данные торговли зерном, складских запасов продовольствия, постоя войск), археологии (длина городских стен, площадь города) и аналогии [Bairoch 1991; Chandler 1987; Morris 2013]. Типичный способ — это вычисление площади города и ее умножение на примерную плотность населения. Средняя плотность населения города в доиндустриальную эпоху — 100–120 чел. на гектар, в крайнем случае, не более 200 чел./га [см. De Long, Schleifer 1993; Morris 2013: 145]. Полученные данные корректируются с учетом наличия данных по числу домохозяйств, запасам еды, торговле зерном. Как правило, по некоторым городам данные более точные; их используют для экстраполяции оценок других городов. Получаемые оценки — приближительные, однако в целом признаются как довольно точные.

Далее нужно определить, какие стоит использовать оценки для эмпирического измерения процесса урбанизации, для более полного описания картины в сравнительной перспективе. Я выбрал пять показателей:

— **доля городского населения** от всей численности населения. Это основной индикатор урбанизации;

— **численность всего городского населения**, ведь важна не только доля, но и численность горожан в абсолютных числах;

— **количество городов**. Этот показатель указывает на структуру урбанизации: либо рост нескольких крупных городов со стагнацией остальных городков, либо равномерный рост плотной городской сети;

— **численность самого крупного города**. Ряд исследователей считает это индикатором сложности досовременной социальной организации [Morris 2013]³. Например, Древний Рим в период своего расцвета в I–II вв. н. э. насчитывал 1 млн чел.; первым европейским городом-миллионником стал Лондон в первой половине XIX в.;

— **доля самого крупного города в городском населении**. Это поможет увидеть, насколько рост городского населения зависит от самого крупного города (столицы).

Рассмотрим все показатели по порядку, начиная с *доли городского населения* (Табл. 1). Изучение урбанизации с этого ракурса позволяет сделать несколько простых выводов. Во-первых, оценки урбанизации

³ Подробнее — см. ниже.

довольно сильно изменяются, если брать разные пороги отсечения «города» — 5 или 10 тыс. жителей. Например, в 1500 г. разница между оценками для Англии, Нидерландов, Испании, Франции и Германии составляет два раза и более. Это говорит о том, что значительная часть горожан жила в небольших городках с населением между 5 и 10 тыс. жителей. В 1800 г. разница между этими двумя оценками для всех стран, кроме Испании, исчезает, что свидетельствует о том, что большинство городов преодолели порог в 10 тыс. чел. Во-вторых, самыми урбанизированными странами Европы были Италия, Испания, Нидерланды и Бельгия. Однако наилучшую динамику показала Англия (рост минимум в три раза), а наихудшую — Испания (фактически стагнация). Италия, хоть и оставалась лидером урбанизации в течение всего периода, не смогла показать значительных успехов в динамике, особенно в отношении городов свыше 10 тыс. жителей. Наименее урбанизированными регионами в Западной Европе были Франция и Германия. Максимальный уровень урбанизации в доиндустриальной Европе показывали Нидерланды — почти 39 % городского населения в 1700 г.

**Таблица 1. Доля городского населения с 1300 по 1800 г.,
% от всего населения**

Страна	1300	1400	1500	1600	1700	1800
Англия	4,4*	8	3,1/7,2	5,8/9,8	13,3/16,9	20,3/20,8
Нидерланды	13,8	—	15,8/29,5	24,3/34,7	33,6/38,9	28,8/34,1
Бельгия	22,4	39	21,1/24	18,8/29,3	23,9/30,6	18,9/21,7
Италия	14,7/20,6	8,7/13,9	14,9/21,9	16,8/23,6	14,7/22,3	18,3/26,6
Испания	21,5	26,3	6,1/18,4	11,4/21,2	9/20,3	11,1/19,5
Франция	8,0	10,7	4,2/8,8	5,9/10,8	9,2/12,4	8,8/12,9
Германия	7,9	11,1	3,2/8,2	4,1/8,5	4,8/7,7	5,5/9,4
Китай	12 ** (1291)***	10 (1391)	—	12 (1630)	—	4/7 (1776)
Россия	—	—	—	—	—	3,1

Примечания: * обычный шрифт — города с более 10 тыс. чел., курсивом — с более 5 тыс. чел.; ** в городах с более 2 тыс. чел.; *** в скобках даны годы оценки.

Источники: De Vries 2006; Malanima 1998 (Италия); Xu et al. 2015 (Китай); Urbanization Hub 2013; Россия — расчеты автора.

Теперь рассмотрим не относительную, а абсолютную величину урбанизации — численность всего городского населения (*Табл. 2*). Постоянным лидером по числу горожан являлась Италия, которая только око-

ло 1400 г. уступила первенство Франции. Это указывает на то, что города гораздо сильнее пострадали от эпидемии чумы в середине XIV в.: Италии потребовалось более 200 лет, чтобы вернуть численность городского населения на прежний уровень. Сравнение относительных и абсолютных величин показывает, что в высокоурбанизированных регионах Нидерландов и Бельгии горожан было маловато — всего по несколько сотен тысяч. В то же время слабо урбанизированные Франция и Германия обладали вполне внушительным количеством буржуа и бюргеров. Англия ни разу не обгоняла Францию по числу горожан до 1800 г. В абсолютных числах показатели Испании, с одной стороны, выглядят не так плохо — они только в 1800 г. стали слегка уступать Англии; но с другой — слишком часто наступали периоды упадка, когда городского населения становилось меньше.

Таблица 2. Численность городского населения в Европе в 1300–1800 гг., млн чел.

Страна	1300	1400	1500	1600	1700	1800
Англия	0,22	0,2	0,18	0,43	0,88	2,61
Нидерланды	—	—	0,28	0,52	0,74	0,73
Бельгия	—	0,39	0,3	0,44	0,52	0,65
Италия	2,6*	1,1	2	3,1	3	4,8
Испания	—	1,58	1,38	1,85	1,75	2,54
Франция	—	1,29	1,49	2,05	2,72	3,65
Германия	—	0,78	0,86	1,06	1,0	2,02
Китай	—	—	—	—	—	11,2 (1776)*
Россия	—	—	—	—	—	0,97**

Примечания: В городах с более 5 тыс. чел.; * в городах с более 10 тыс. чел.; ** во всех городах.

Источники: De Vries 2006; Allen 2000; Malanima 1998 (Италия); Xu et al. 2015 (Китай); Urbanization Hub 2013; Россия — расчеты автора.

Следующий вопрос, к которому стоит обратиться, — распределение городского населения между городами; иными словами, сколько было городов в Европе? В *Табл. 3* показывается численность городов с населением более 10 тыс. чел. по указанным странам. Из нее следует, что, во-первых, самое большое число городов всегда находилось в Италии, которая намного обгоняла остальные регионы. За Италией следуют Франция и Германия. Во-вторых, лидером по темпам урбанизации явля-

ется Англия, которая, например, за столетие между 1700 и 1800 г. увеличила число городов в четыре раза! В Нидерландах оно за этот период даже слегка уменьшалось.

Таблица 3. Число городов в Европе с численностью более 10 тыс. чел., в 1500–1800 гг., шт.

Страна	1500	1600	1700	1800
Англия	5	6	11	44
Нидерланды	11	19	20	19
Бельгия	12	12	15	20
Италия	51	92	80	142
Испания	20	37	22	34
Франция	32	43	55	78
Германия	23	30	30	53
Китай	–	–	–	357
Россия	–	–	–	24

Источники: De Vries 2006; Allen 2000; Malanima 1998 (Италия); Xu et al. 2015 (Китай); Urbanization Hub 2013; Россия — расчеты автора.

Средние и агрегированные показатели урбанизации не полностью информативны. Более четко понять логику урбанизации помогает изучение динамики роста самых крупных городов. Для начала взглянем на самые крупные города, с одной стороны, Европы и Ближнего Востока, а с другой — Китая (Табл. 4). После краткого изучения цифр напрашивается два вывода. Во-первых, европейские города сильно уступали всем азиатским городам по численности. Только около 1700 г. европейские становятся заметными на общемировом фоне; при этом китайские города всегда были крупнее европейских. Во-вторых, все самые крупные города — это административные и политические столицы. Только в XX в. Нью-Йорк, экономическая столица, а не политическая, станет самым крупным городом мира. Это наблюдение давно является поводом для дискуссии о европейской урбанизации, которая в лучшем случае противопоставляет «производительные» города «потребительским» (*producer vs. consumer*) [Xu et al. 2015], а в худшем — утверждает, что административные столицы как «паразитические» города не влияют на модернизацию. Они высасывают ресурсы из округи; они злоупотребляют столичной рентой; там преобладают не «правильные» купцы, торговцы и ремесленники, а «неправильные» правители, чиновники и аристократы

[De Long, Shleifer 1993: 675]. Согласно другой точке зрения, размер города — это индикатор сложности социальной организации [Morris 2013], который указывает на совершенство системы управления: крупные города требуют наличия высокопроизводительного аграрного сектора для снабжения, организации складов, бесперебойной логистики и военно-морской мощи⁴ для охраны торговых путей. Кроме того, очевидно, что чем крупнее город, тем больше в нем объем рынка, а значит, больше перспектив для развития торговли и ремесел [Голдстоун 2014: 152]. Что важнее для перспектив урбанизации и модернизации — размер города или его автономия? С одной стороны, существует традиция подчеркивания роли именно автономных городов; с другой стороны, подлинными драйверами модернизации в Западной Европе оказались именно такие крупные города, как Лондон, Париж, Амстердам, а не мелкие Любек, Сиена или Пуатье.

Таблица 4. Размер самых крупных городов в Европе, на Ближнем Востоке и в Китае, 1300–1800 гг.

Год	Европа и Ближний Восток	Китай
1300	Каир (400 тыс.)	Ханчжоу (800 тыс.)
1400	Каир (125 тыс.)	Нанкин (500 тыс.)
1500	Каир (400 тыс.)	Пекин (678 тыс.)
1600	Стамбул (400 тыс.)	Пекин (700 тыс.)
1700	Стамбул, Лондон (575 тыс.)	Пекин (650 тыс.)
1800	Лондон (948 тыс.)	Пекин (1100 тыс.)

Источники: Morris 2013; Голдстоун 2014; Urbanization Hub 2013.

Важно также ознакомиться с динамикой численности крупнейших европейских городов. В *Табл. 5* содержатся сведения о топ-5 самых крупных европейских городов на 1330, 1500, 1650 и 1800 гг. Основной вывод из этих данных заключается в том, что урбанизация, измеряемая круп-

⁴ Именно военно-морской мощи, а не просто военной. Учитывая состояние развития транспорта и логистики, очевидным является факт, что морские перевозки были быстрее, дешевле и безопаснее. Имеются оценки, что во времена Древнего Рима сухопутные перевозки были в 42 раза дороже! [Стил 2014: 107]. Военно-морской флот гарантировал безопасность и надежность перевозок. Не случайно появление Древнего Рима как города-миллионника совпадает с периодом безусловного военного и военно-морского превосходства Римской империи в Средиземноморье (*mare nostrum*), а стремительный рост Лондона в XVIII–XIX вв. — с утверждением морского великодержавия Британии [Стил 2014].

ными городами, сдвинулась с Юга на Север Европы. Если в XIV в. это были итальянские и испанские города, то к 1800 г. из итальянских городов остался только Неаполь. С огромным отрывом столицей западного мира стал Лондон с 948 тыс. жителей; за ним следует Париж, на протяжении ряда столетий бывший самым крупным городом Европы. Опять же отметим, что все самые крупные города в 1800 г. — это политические столицы наиболее мощных европейских государств. Такие аспекты модернизации, как централизация, рационализация, становление национальных государств, довольно тесно переплелись с урбанизацией: нет сомнений, что крупные города выигрывали от использования увеличившейся административной ренты, но есть сомнения в том, что нужно отрицательно относиться к этому процессу.

Таблица 5. Топ-5 самых крупных европейских городов 1330–1800 гг.

1330	1500	1650	1800
Гранада (150 тыс.)	Париж (225 тыс.)	Париж (400 тыс.)	Лондон (948 тыс.)
Париж (150 тыс.)	Неаполь (125 тыс.)	Лондон (350 тыс.)	Париж (550 тыс.)
Венеция (110 тыс.)	Милан (100 тыс.)	Неаполь (300 тыс.)	Неаполь (430 тыс.)
Генуя (100 тыс.)	Венеция (100 тыс.)	Лиссабон (150 тыс.)	Вена (247 тыс.)
Милан (100 тыс.)	Гранада (70 тыс.)	Венеция (140 тыс.)	Амстердам (217 тыс.)

Источник: De Long, Shleifer 1993: 678.

Для наглядности рассмотрим еще один показатель урбанизации — долю населения самого крупного города во всем городском населении данной страны (см. *Табл. 6*). Самое удивительное в этих данных — это случай Англии, т. е. Лондона. С XVII в. весь прирост городского населения фактически шел только за счет роста Лондона: в 1600 г. его жители составляли почти половину всех английских горожан, а в 1700 г. — две трети! К 1800 г. доля Лондона опустилась к одной трети, но все равно здесь наблюдалась самая высокая концентрация горожан в Европе. Только в Нидерландах в 1800 г. наблюдалась более-менее похожая картина: в Амстердаме проживало около 30 % всех голландских горожан. По сути, эту стратегию урбанизации можно определить как «ставку на мегаполисы», когда именно крупные города становятся центрами торговли, ремесел (а потом и промышленности), науки, образования, культуры. Возможно, дело именно в концентрации городской жизни, а не в численности или удельной доле городского населения. Учитывая, что географическим центром европейской модернизации принято считать Англию

и Нидерланды, эта стратегия оправдывает внимание к развитию столичных городов. С одной стороны, есть пример сравнения систем городов в Южной Италии (замкнутой на столичные города) и Северной Италии (полицентричной), а с другой — сравнение Англии и Испании.

Таблица 6. Доля самого крупного города во всем городском населении, %

Страна	1500	1600	1700	1800
Англия	27,7	46,5	65,3	36,3
Нидерланды	7,1	10,4	27	29,7
Бельгия	18,3	11,3	15,4	10,1
Италия	6,25	8,9	10	8,9
Испания	5	7,3	8	6,6
Франция	15,1	14,6	18,4	15,1
Германия	5,2	4,2	7	8,5

Примечания: **Нидерланды:** 1500 г. — Утрехт (20 тыс.), 1600 г. — Амстердам (54 тыс.), 1700 г. — Амстердам (200 тыс.), 1800 г. — Амстердам (217 тыс.). **Англия:** Лондон — 1500 г. (50 тыс.), 1600 г. (200 тыс.), 1700 г. (575 тыс.), 1800 г. (948 тыс.). **Бельгия:** 1500 г. — Гент (55 тыс.), 1600 г. — Брюссель (50 тыс.), 1700 г. — Брюссель (80 тыс.), 1800 г. — Брюссель (66 тыс.). **Франция:** Париж — 1500 г. (225 тыс.), 1600 г. (300 тыс.), 1700 г. (500 тыс.), 1800 г. (550 тыс.). **Германия:** 1500 г. — Кельн (45 тыс.), 1600 г. — Аугсбург (45 тыс.), 1700 г. — Гамбург (70 тыс.), 1800 г. — Берлин (172 тыс.). **Италия:** Неаполь — 1500 г. (125 тыс.), 1600 г. (275 тыс.), 1700 г. (300 тыс.), 1800 г. (430 тыс.). **Испания:** 1500 г. — Гранада (70 тыс.), 1600 г. — Севилья (135 тыс.), 1700 г. — Мадрид (140 тыс.), 1800 г. — Мадрид (168 тыс.).

Источник: Urbanization Hub 2013.

Теперь сравним урбанизацию в Европе с аналогичными процессами в Китае, исламском Востоке и России.

Китай. Как уже отмечалось выше, китайские города⁵ в раннее Новое время всегда были крупнее европейских. Например, уже в 1300 г. столица империи эпохи династии Юань Ханчжоу насчитывала 800 тыс. чел.⁶,

⁵ В случае китайских городов еще сложнее выделить, что такое город. Совершенно отсутствовала традиция юридического статуса города; небольшие города смешивались с торговыми посадами (*market towns*), к тому же в случае Китая часто сложно понять, в пределах каких административных границ считать города китайскими [Xu et al. 2015].

⁶ В работе [Xu et al. 2015] приводится довольно подробная динамика роста численности китайских городов. По их оценкам, Кайфэн, столица империи дина-

в то время как самым крупным городом Европы в 1330 г. был Париж с 150 тыс. жителей. К 1800 г. разрыв почти сократился, но все же остался: 948 тыс. жителей в Лондоне против 1,1 млн жителей в Пекине (см. *Табл. 4*). В абсолютных цифрах городское население Китая явно превосходило любую европейскую страну: 11,2 млн горожан в 1776 г., что примерно равно всему городскому населению Италии, Франции и Англии (11,06 млн) в 1800 г. (см. *Табл. 2*). По численности городов Китай также явно обгонял все европейские страны — в 1776 г. в нем было 357 городов с населением более 10 тыс. жителей (см. *Табл. 3*). Однако по доле городского населения Китай уступал европейским странам (см. *Табл. 1*): в 1391 г. в Китае было около 10 % городского населения (в городах свыше 2 тыс. чел.), чем, возможно, он опережал только Англию с 8 % в 1400 г. В 1630 г. эта доля выросла до 12 %, что было явно ниже показателя лидеров европейской урбанизации. Более того, к 1800 г. эта доля упала до 7 %, а если считать города свыше 10 тыс. жителей, то — до 4 %. Данный показатель заметно ниже любой европейской страны.

Китай — очень большая страна как по площади, так и по населению, которое размещено совсем неоднородно. Ряд исследователей особо выделяет район долины Янцзы, где наблюдалась самая высокая плотность населения. Уровень урбанизации там был гораздо выше (в городах с более 2 тыс. жителей): в 1391 г. — 19 %, в 1630 г. — 23 %, в 1776 г. — 19 %. Эти показатели сравнимы с ведущими странами Запада; недаром европейские купцы стремились попасть в Китай за товарами, а не наоборот [Голдстоун 2014].

Как интерпретировать динамику урбанизации в Китае? Видно, что Китай испытывал то бурный рост городов, то серьезный упадок в их развитии. Процесс урбанизации шел параллельно с общим приростом населения. Отмечается, что китайское население с 1102 г. то росло, то заметно снижалось — по причине войн, завоеваний, восстаний, эпидемий. В литературе существует дискуссия относительно влияния насильственных смертей на динамику населения в Китае. Одна точка зрения утверждает, что в Китае рано произошла централизация государства и установился довольно прочный внутренний мир [Voigtländer, Voth 2013: 777], в отличие от ситуации с множеством постоянно воюющих между собой

стии Сун, в 1100 г. насчитывал уже 1 млн чел.; Ханчжоу в 1205 г. — примерно 1,1 млн чел., хотя в 1291 г. — только 575 тыс., что может объясняться результатами монгольского завоевания. Напомним, что в Европе отметки в 1 млн жителей достиг Лондон, причем только в XIX в.

европейских стран. Другая точка зрения гласит, что все дело в характере войн и их разрушительном эффекте. Хотя войны в Европе шли постоянно, они, как правило, проходили без чрезмерного насилия. В Китае же войны и восстания происходили реже, но они сопровождались гораздо большим насилием, особенно при падении и смене династий [Xu et al. 2015: 6].

Как уже упоминалось, в Китае очень рано — к 1100 г. — появились города с численностью 1 млн чел. Их появление во многом задавало городскую структуру страны на века. К 1800 г. Пекин насчитывал немногим более 1,1 млн чел. Столь незначительную разницу можно интерпретировать как стагнацию в процессе урбанизации⁷. Если считать, что размер самого крупного города страны — это показатель сложности социальной организации и способности государства извлекать ресурсы из экономики, то тогда стоит признать, что Китай в этом не сильно преуспел. Если в первой половине XIX в. европейские страны перераспределяли с помощью налогов порядка 8–12 % ВВП, то для Китая в XIX в. эта цифра — всего 2 % [Xu et al. 2015: 17]. Парадоксально, но Аджемоглу и Робинсон объясняли упадок Китая в Новое время доминированием экстрактивных институтов [Аджемоглу, Робинсон 2015], в то время как речь идет о неспособности эти ресурсы извлекать.

Другим отличием китайской урбанизации является малая роль портовых городов. В Европе особенно быстро росла численность населения в городах, являющихся морскими портами [Bosker et al. 2013]. В Китае же — нет; там население портовых городов стагнировало, а его доля постепенно снижалась. Кроме того, Китай отличался иной сутью миграционных потоков, что влияло на рост городов. Если в Европе миграция шла по направлению с периферии в ядро (города), то в Китае — наоборот. Жители из перенаселенного ядра мигрировали на периферию, в сельскую местность, осваивая еще не заселенные земли [Xu et al. 2015].

В результате этих отличий и общей стагнации китайского государства к XIX в. динамика урбанизации в Китае оставляла желать лучшего. Хотя Пекин все еще был самым крупным городом мира на 1800 г., его в скором времени обогнал Лондон, который стал столицей не только

⁷ Ян Моррис смотрит на этот порог несколько иначе. Он предполагает, что размер самого крупного города ограничивается типом государственного устройства и экономики. Так, ни одна аграрная (доиндустриальная империя) не смогла поддерживать город крупнее 1 млн жителей. Только переход к индустриальному обществу позволил появиться городам от 1,5 млн жителей и больше [Morris 2013].

огромной Британской империи, но и всего Запада, а также финансовым и промышленным центром всего мира.

Исламский Восток. Так как исламский Восток сложно сопоставить с какими-то конкретными странами, то возникает методологическая проблема вычисления доли городского населения. Данных по численности городов исламского Востока гораздо меньше. В литературе встречаются только примерные оценки уровней урбанизации. Для Османской империи дается оценка доли городского населения 9,2 % в 1500 г. и 12,2 % в 1820 г. Для Ближнего Востока и Северной Африки (за исключением Марокко, которое относится к Османской империи с 1600 г.) доля городского населения оценивается в 8,1 % в 1600 г. и 10,2 % в 1800 г. Все оценки основаны на городах с населением свыше 10 тыс. жителей [Bosker et al. 2013: S1]. Численность городов с населением свыше 10 тыс. чел. на Ближнем Востоке и в Северной Африке менялась от 29 в 1500 г. до 72 в 1800 г. [там же: 1421 / fn 8].

Если сравнивать эти данные с европейскими (см. *Табл. 1*), то получается, что в исламском мире с урбанизацией все было не так уж плохо. Динамика роста городов едва ли опережала лидеров западного мира, но была точно не хуже, чем порой во Франции, Германии и даже Испании. По численности городов свыше 10 тыс. жителей исламский мир демонстрировал гораздо меньше успехов, 72 города в 1800 г. — это даже меньше, чем в одной Франции! Такие данные позволяют сделать предположение, что в исламском мире преобладала структура урбанизации, основанная на доминировании нескольких крупных городов, а не на сети средних городов. Тогда стоит взглянуть на список топ-5 самых крупных городов исламского мира с 1500 по 1800 г. (см. *Табл. 7*). Исламский мир превосходил Европу численностью своего самого крупного города, но не так впечатляюще, как Китай. В 1500 г. Стамбул (400 тыс.) и Каир (250 тыс.) превосходили Париж (225 тыс.), но иные города (Исфахан, Адрианополь и Тунис) были сопоставимы с Миланом, Неаполем и Венецией. В дальнейшем разрыв довольно быстро сокращался. Другое интересное наблюдение — лидерство среди восточных городов почти не менялось с 1500 по 1800 г.: список состоит практически из одних и тех же городов, население которых остается почти неизменным. Если Лондон с 1500 по 1800 г. вырос почти в 20 раз, то Стамбул — лишь в 1,5 раза. В целом это позволяет охарактеризовать состояние урбанизации на исламском Востоке как стагнацию. Возможно, отчасти причины этого стоит искать в исторических событиях до 1500 г.: если Западная Европа после 1000 г.

перестала подвергаться опустошительным завоеваниям [Травин 2013], то Ближний Восток был сначала razoren монгольским нашествием в XIII в., а потом и войсками Тамерлана в конце XIV в. Многие разрушенные города так и не смогли оправиться от причиненного урона — например, такие важные центры, как Багдад и Дамаск.

Таблица 7. Топ-5 самых крупных исламских городов 1500–1800 гг.

1500	1600	1700	1800
Каир (Египет) — 400 тыс.	Стамбул (Турция) — 400 тыс.	Стамбул (Турция) — 575 тыс.	Стамбул (Турция) — 570 тыс.
Тебриз (Иран) — 250 тыс.	Каир (Египет) — 250 тыс.	Каир (Египет) — 330 тыс.	Каир (Египет) — 263 тыс.
Стамбул (Турция) — 200 тыс.	Исфахан (Иран) — 163 тыс.	Исфахан (Иран) — 300 тыс.	Адрианополь (Турция) — 100 тыс.
Адрианополь (Турция) — 127 тыс.	Адрианополь (Турция) — 150 тыс.	Мешхед (Иран) — 175 тыс.	Алеппо (Сирия) — 100 тыс.
Тунис (Тунис) — 100 тыс.	Тунис (Тунис) — 100 тыс.	Тунис (Тунис) — 120 тыс.	Тунис (Тунис) — 120 тыс.

Источники: Голдстоун 2014; Urbanization Hub 2013.

Сравнительный анализ урбанизации европейских и исламских городов позволяет выделить некоторые интересные отличия в причинах их роста. Во-первых, это расположение на торговых путях. В обоих регионах города, которые оказались на пути торговых маршрутов, росли быстрее. Однако было и важное отличие: для европейских городов значение имели преимущественно водные пути, а для восточных — сухопутные. Портовые города Запада выигрывали от морской торговли, а Востока — от торговли караванами. Морская торговля постоянно стимулирует инновации — в конструкции кораблей, приборах навигации, картографировании, а это ведет к росту производительности труда. В то же время сухопутная торговля на основе верблюжьих караванов за 1000 лет не претерпела никаких изменений, как, соответственно, и производительность труда. Сравнение также указывает на положительную роль институтов городского самоуправления в развитии западных городов: города с коллегиальными органами управления росли быстрее. Это и определяло структуру городов: преобладали небольшие, нестоличные, автономные

города. На Востоке структура урбанизации характеризовалась крупными, столичными, но «подчиненными» городами [Bosker et al. 2013]. Правда, столичный статус стал с XVI в. играть положительную роль и в Европе с началом становления централизованных национальных государств.

Россия. По урбанизации в России сведений совсем мало⁸. Есть оценки, что в Москве на 1500 г. жило 36 тыс., в Новгороде — 42 тыс., в Пскове — 29 тыс., в Твери — 5 тыс. [Urbanization Hub 2013]. Поэтому я остановлюсь только на оценках урбанизации на 1800 г. Согласно им, в России было 24 города с населением свыше 10 тыс. чел., в которых проживало всего 971 тыс. чел. При минимальной оценке численности населения России в 31,1 млн чел.⁹ доля городского населения получается в 3,1 % от всего населения. Это явно ниже любой западноевропейской страны. Крупнейшими городами были Москва (300 тыс.), Санкт-Петербург (220 тыс.), Тула (52 тыс.), Казань (50 тыс.). Такие оценки помещают Москву и Санкт-Петербург пусть не в тройку, но точно в пятерку крупнейших городов Европы того времени. Ожидаемо, что крупнейшие города — это столичные центры. Однако в первых двух городах (520 тыс. чел.) насчитывается более половины (53,5 %) всех горожан, что можно охарактеризовать как систему с доминированием слишком крупных столичных городов при неразвитости средних и небольших.

Можно также предположить, что урбанизации препятствовал и способ географического развития российского государства. Типичная для многих досовременных обществ проблема аграрного перенаселения решалась в России схожим с китайским способом — миграции-колонизации крестьянского населения не в города, а на «вольные земли» на Юге

⁸ На 1500 г. в составе Московского государства можно выделить такие города, как Москва, Тверь, Архангельск, Вологда, Новгород, Псков, Ивангород, Копорье, Великие Луки, Олонец, Орешек, Ладога, Карела, Порхов, Холм, Руса, Елец, Тула, Калуга, Алексин, Оболенск, Серпухов, Коломна, Можайск, Торжок, Ржев, Зубцов, Клин, Дмитров, Владимир, Суздаль, Переславль, Ростов, Кашин, Углич, Ярославль, Бежичи, Молога, Устюжна, Кострома, Галич, Белозеро, Тотьма, Соль Галицкая, Чухлома, Городец, Нижний Новгород, Стародуб, Гороховец, Муром, Касимов, Кадам, Курмыш, Хлынов. Никаких достоверных данных о населении подавляющего большинства городов нет.

⁹ Только территория современной России, без учета современной Украины, Беларуси, Прибалтики. Оценки: Gapminder, “Total population with projections” (<http://www.gapminder.org/data/>).

и Востоке [Ахиезер 2000]. Отметим, что в такой трактовке поиск свободы ассоциируется не с «воздухом города», а с миграцией (если не бегством) на нетронутые земли, подальше от правительства. В данной ситуации естественные миграционные потоки не сопровождаются ростом городов. Крепостное право явно было другим тормозом для миграции крестьян из деревень в города.

Сочетание низкой плодородности земли с ее избытком способствовало экстенсивному, а не интенсивному развитию сельского хозяйства в России; это довольно неблагоприятный фон для роста городов, которые склонны развиваться при использовании интенсивных аграрных технологий, способных удовлетворять растущий спрос горожан на поставки продовольствия.

Подведем итоги данного раздела. В раннее Новое время Западная Европа по ряду параметров уступала по темпам урбанизации Китаю и исламскому Востоку. Однако уже спустя несколько столетий динамика сильно изменилась: европейские города стали активно развиваться, доля городского населения расти, столица Запада — Лондон — стала претендовать на звание самого крупного города в мире. Какие можно выделить особенности урбанизации в Европе?

Во-первых, картина урбанизации в Европе является неоднородной. Одни регионы (Нидерланды, Бельгия) показывают высокие темпы урбанизации, но там мало городов, мало горожан, а сами города довольно небольшие по своему размеру.

Во-вторых, темпы урбанизации в Европе были всегда положительными, в то время как Китай и исламский Восток были ближе к состоянию стагнации. В этих регионах крупные города больше не росли, доля городского населения либо росла крайне слабо, либо даже в отдельные периоды падала.

В-третьих, в Европе сосуществовали две системы городской организации. Одна отличалась преобладанием ровной сети средних, автономных городов (Северная Италия, Франция, Германия). Другая — доминированием крупных столичных городов (Южная Италия, Англия, Нидерланды). Хотя часто в литературе преобладает нормативная точка зрения, что первый вариант — лучше и полезнее для развития, успешный пример модернизации нам дают Англия и Нидерланды.

В-четвертых, с XVI в. наблюдается рост значимости крупных городов, которые оказываются политическими и административными столицами национальных государств.

В-пятых, европейские города были, как правило, меньше по населению, чем исламские и китайские.

Вышеуказанные особенности составляют всего лишь описательную картину европейской урбанизации в раннее Новое время. Какие же были причины урбанизации в Европе?

Причины европейской урбанизации в раннее Новое время

Объяснения процесса урбанизации — одна из наиболее популярных тем в социальных науках. Соглашаясь в том, что европейские города стали источником модернизации, исследователи расходятся во мнении о том, какие же факторы повлияли на процесс развития городов в Европе. Я выделяю три основные группы факторов: политико-институциональные, демографические и географические.

Политические и институциональные решения. Все эти объяснения объединяет предположение, что ключевыми факторами для урбанизации являются определенные политические решения, преднамеренные или случайные. Политические решения могут воплощаться в определенных институтах, которые и определяют долгосрочные траектории развития городов. В предельных ситуациях правители могут просто препятствовать развитию городов. Такой пример можно найти в истории Китая: Баррингтон Мур-мл. пишет, что центральные власти стремились ограничивать рост городов по политическим соображениям [Мур 2016]. Аджемоглу и Робинсон указывают, что в 1661 г. император Канси приказал переселить всех людей, живших на морском побережье от Вьетнама до провинции Чжэцзян (самое коммерчески активное южное побережье), вглубь страны на 17 миль. До 1693 г. было запрещено любое мореплавание, а берег патрулировали войска [Аджемоглу, Робинсон 2015: 262]. Такая радикальная мера, как переселение с побережья, возможна только в сильно централизованных империях с мощным военно-бюрократическим аппаратом. В Европе, разделенной на множество довольно небольших политических образований, такая политика едва ли была возможна.

Большинство исследователей указывает, что важнейшую роль для развития городов в Европе играло появление институтов городского самоуправления в виде городских советов, местных парламентов. В правовом поле это связывается с появлением в XIII в. «магдебургского права», которое оформило ряд городских привилегий, предоставляя им опреде-

ленную автономию в принятии общественно-политических и экономических решений. Считается, что распространение «магдебургского права» стимулировало экономическую активность, торговлю, развитие ремесел и в конечном счете процветание городов. Аджемоглу и Робинсон высоко ценили появление элементов коллегиального управления в средневековой Венеции, называя это попыткой введения инклюзивных институтов [Аджемоглу, Робинсон 2015: 174–179]. Весь экономический успех Венеции приписывался именно наличию инклюзивных институтов, а ее упадок в Новое время — подавлению этих институтов. Травин, противопоставляя коммерческие города Северной Италии столичным центрам — Парижу, Лондону, Палермо и Кордове, подчеркивает важность институциональных, политических и исторических причин в объяснении успеха североитальянской урбанизации. К таким факторам относятся умелое политическое лавирование между основными центрами силы того региона, система народного самоуправления, подключение к левантской торговле, обслуживание логистических операций эпохи Крестовых походов, управление финансами папского престола. В какой-то степени важно и географическое расположение — почти все эти города стоят на удобных морских торговых путях Средиземного моря. Именно эти факторы, по мнению Травина, определили рост активности городской торговой экономики в позднее Средневековье и раннее Новое время, хотя эта эпоха имела свои специфические проблемы — например, незащищенные права собственности и частые вспышки насилия, в том числе вследствие постоянных войн [Травин 2013].

Более обстоятельные доказательства тезиса о важности коллегиального управления для развития городов содержатся в сравнительном анализе причин урбанизации в Европе. Бредфорд Делонг и Андрей Шлейфер в своей статье со звучным названием «Принцы и купцы» [De Long, Shleifer 1993] утверждают, что города, где был абсолютизм, росли значительно медленнее, чем те, где присутствовало коллегиальное, неабсолютистское управление с доминированием купеческих олигархий. Всевластные правители («принцы») хотели выжимать из городов как можно больше ресурсов. Правительства, управляемые торгово-купеческой олигархией («купцы»), были в этом не заинтересованы. Кроме того, «принцы» в силу особенностей борьбы за власть того времени предпочитали краткосрочные стратегии и рассматривали города как источник неограниченных ресурсов для сиюминутных политических целей. «Купцы» были склонны придерживаться долгосрочных стратегий развития своего бизнеса и старались не вредить своим интересам ради случайных сооб-

ражений. Таким образом, города при «купцах» имели шанс на более устойчивое развитие. Это объясняет, почему более быстрые темпы урбанизации свойственны свободным городам, где оказалось меньше прямых и непрямых ограничений на торговлю. ДеЛонг и Шлейфер также придерживаются той точки зрения, что имперские, столичные города — это «паразиты», которые растут не за счет развития ремесел и торговли, а за счет выкачивания ресурсов из других областей. Их рост — это случай непроизводительного развития, которое едва ли оказало сильное положительное влияние на модернизацию. Стоит также отметить важность того факта, что преимущественно сельский, а не городской характер ориентации аристократии в средневековой Европе «вывел» ее из городов. Благодаря этому европейские города в меньшей степени оказались центрами аристократического потребления. Именно поэтому города Западной Европы — это прежде всего коммерческие и торговые центры, а не имперские, бюрократические, административные опорные пункты [De Long, Shleifer 1993]. Выделяя два типа структуры городов — с доминированием крупных административных центров и сети равновеликих и равноправных городов, — авторы делают однозначный вывод в пользу второго типа.

Наличие органов городского самоуправления — одно из ключевых отличий городов Запада от исламского Востока [Bosker et al. 2013] и Китая [Xu et al. 2015]. Именно это вместе с удачным географическим положением является причиной успешной урбанизации в Европе.

Во многих исследованиях подчеркивается особая роль административных и политических центров. Столичные города и в Европе растут быстрее, хотя и обсуждается, в какой степени это повлияло на общую урбанизацию и с какого века этот эффект оказался значимым. Есть мнение, что не ранее XVI в., с началом становления централизованных национальных государств [Bosker et al. 2013]. Данное наблюдение позволяет задуматься о связи между государственностью и урбанизацией: до какого размера в принципе могут вырасти города в небольших, слабых государственных образованиях. Успех Лондона, Парижа и Амстердама в XVIII в. скорее свидетельствует, что укрепление государственности и увеличение объема административных рент — не обязательно тормоз урбанизации. Особенностью Европы является то, что *оба типа структуры урбанизации сосуществовали*. В результате разные институциональные решения дополняли друг друга: институты коллегиального самоуправления и столичный статус, что особенно явно проявилось в раннее Новое время.

Стоит также отметить, что более высокие уровни урбанизации наблюдаются в тех регионах Европы, где довольно рано было отменено — *de jure* или *de facto* — крепостное право: Англия, Бельгия, Нидерланды, Италия. Наоборот, в странах с закрепощенными крестьянами — Германии, Франции — доля городского населения меньше. Как уже было сказано выше о случаях России и Китая, урбанизация довольно сильно зависит от характера миграции крестьян. Крепостное право по определению существенно ограничивает возможности крестьян менять место жительства. Отмена или ослабление института крепостного права создает положительные стимулы для притока новых жителей в города.

Признавая наличие двух структур урбанизации как выгодное отличие, мы все равно не можем ответить на вопрос: почему же европейские города были меньше по численности исламских и в особенности китайских? Обратимся к демографическим причинам урбанизации.

Демографические причины. Долю городского населения можно рассматривать и как просто демографический показатель. Сугубо технически доля городского населения может расти либо за счет естественного прироста, либо за счет миграции. Все источники говорят, что европейские города отличались крайне высокой смертностью, которая намного превышала рождаемость. Соответственно, своим ростом города обязаны миграции. Как уже отмечалось выше, крепостное право может служить важным фактором интенсивности миграции крестьян в города. Каковы же были причины столь высокой смертности? Почему смертность в городах Европы была выше, чем в городах Азии? Выделим несколько важных особенностей, определявших специфику городской жизни.

Во-первых, европейские города были очень скученными. Политическая раздробленность и постоянные войны делали немислимым существование города без оборонительных стен. С одной стороны, городская стена защищала горожан, но с другой — ограничивала площадь города и заставляла множество людей тесниться на ограниченном пространстве. Например, для китайских городов мощные укрепления были менее актуальными, ведь наличие мощного централизованного государства само по себе служило надежной защитой.

Во-вторых, теснота и скученность европейских городов способствовали антисанитарии и распространению болезней. Смертность в городах объяснялась постоянными эпидемиями инфекционных болезней.

В-третьих, состояние общественной гигиены в европейских городах было совершенно неудовлетворительным. Это и стало одной из главных причин заболеваемости. Как Древний Рим на пике своего могущества

мог насчитывать 1 млн горожан? Объяснение довольно простое: римляне уделяли большое внимание вопросам гигиены и омовениям. Римские города были немыслимы без акведуков, фонтанов, бань и даже туалетов со сточной водой. Римляне даже часто пили кипяченую воду [Шах 2017: 75–76; Кларк 2011]. Это вопрос сугубо технический: без развитой общественной гигиены численность города не может превысить определенный порог. Европейские города почти не регламентировали уборку нечистот; результатом стали столетние копания в человеческом и животном навозе. Как правило, города были покрыты густо унавоженной грязью. Часто горожане жили в одних домах со скотиной (свиньи, птица), которая производила кучи навоза [Стил 2014: 45]. Для испражнений нередко использовались отдельно стоящие ведра. При этом способ сбора отходов городскими властями никак не регламентировался [Шах 2017: 78]. Какая-то часть отходов шла на удобрения по желанию самих горожан и просто скапливалась где попало в городах. Куда же смотрели городские власти? Историк экологии Йоахим Радкау считает, что «проблема состояла в том, что большая чистоплотность потребовала бы большего расхода воды, а пока люди носили воду в кувшинах из колодцев, было совершенно естественным ее экономить. <...> Но, возможно, была и другая причина: скапливавшиеся в домах экскременты были потенциальным удобрением — ценностью, которую многие домовладельцы не желали вывозить вон без уважительной причины» [Радкау 2014: 192–193].

Что же в Китае? Китайцы использовали для удобрений человеческие фекалии. Они назывались «ночная земля», и каждый вечер их вывозили из города на поля. Так как в Китае по ряду причин было довольно мало крупного рогатого скота, в городах было очень мало животного навоза¹⁰.

В-четвертых, антисанитария европейских городов — это не провал городских властей. Инфраструктурные решения отражали представления своего времени. Христианский догмат не заставлял делать ритуальных омовений или умываний. «Доброму христианину достаточно лишь окропить святой водой хлеб и вино» [Шах 2017: 77]. Немытые правители христианской Европы не спешили восстанавливать разрушенные готами в 537 г. римские акведуки [Там же: 77]. Когда на Европу обрушилась чума, то в эпидемии «Черной смерти» в XIV в. обвинили водные

¹⁰ Радкау это описывает так: «Раньше китайских крестьян-арендаторов обязывали пользоваться хозяйскими уборными, а человеческими испражнениями — так называемой ночной землей — бойко торговали» [Радкау 2014: 142].

процедуры. В 1348 г. медики из Парижского университета винили во всем горячие ванны, поскольку те открывают пары кожи, через которые болезнь попадает в организм [Там же: 77]. Как результат, повсюду в Европе стали доламывать оставшиеся с римских времен бани и купальни; вода считалась источником заразы, ее старались использовать как можно меньше. Неудивительно, что следствием господства таких представлений стала антисанитария, поддерживаемая нежеланием городских властей что-либо менять в области общественной гигиены. Европейские города достигли стандартов гигиены римской эпохи только к середине XIX в. [Радкау 2014]. Скученность, грязь, примитивные познания в медицине — все это делало города смертельно опасными для своих жителей. Воздух города дарил свободу, но не был ни благоуханным, ни здоровым [Там же: 192].

В-пятых, эффект от антисанитарии усугублялся торговлей и военной логистикой. Города были открыты для торговцев и военных контингентов, которые несли с собой инфекции [Voigtländer, Voth 2013]. Эпидемию «Черной смерти» в Европу принесли торговцы [Аджемоглу, Робинсон 2015: 112]. Торговые пути доставляли не только товары, но и смертоносные болезни [Радкау 2014]. Таким образом, открытость городов играла против них.

После рассмотрения этих факторов становится понятно, почему смертность в городах Европы была сильно выше рождаемости. Соответственно, рост городского населения мог происходить только за счет миграции из более здоровой сельской местности. Отметим, что в каком-то смысле «тупиковое» расположение Западной Европы препятствовало перенаправлению миграционных потоков из перенаселенной деревни на колонизацию неосвоенных земель где-то на периферии — к Новому времени их уже не было. Отсутствие незанятых земель и отмена крепостного права были не единственными причинами, которые направляли миграции именно в города. Гораздо важнее было то, что в городах были заметно выше реальные зарплаты.

Парадоксально, но свой значимый вклад в рост зарплат внесла высокая смертность в городах. В статье «Три всадника богатства» исследователи выдвигают следующую объяснительную схему, связывающую высокую городскую смертность и рост реальных зарплат [Voigtländer, Voth 2013]. Эпидемия чумы XIV в. в Европе оказалась шоком для рынка труда, резко подняв спрос на рабочую силу. Ожидаемым итогом этого шока стал рост реальных зарплат, но он мог бы носить временный характер. Однако в силу высокой городской смертности, усугубляемой активной

торговлей и передвижением воинских контингентов из-за постоянных войн, этот рост оказался постоянным. На его поддержание работало несколько механизмов. Рост зарплат привел к росту потребления (в основном непродовольственных товаров), что стимулировало как производство, так и торговлю. Торговля сама по себе (торговцы приносили новые болезни) влияла на поддержание высокой смертности, а рост доходов делал города целью в военных конфликтах, что приводило в города военные отряды с новыми инфекциями. Немаловажную роль играла и изначальная степень урбанизации. Представим, что при доле городского населения в 30 % города с их особо высокой смертностью будут привлекать сельских мигрантов. Очевидно, что городская смертность станет значимо влиять на общие демографические процессы. Прямо или косвенно влияя на общий уровень смертности, она будет определять и год вступления в брак, и фертильность с рождаемостью, меняя, по сути, стиль жизни урбанизированных обществ.

Пример подобного развития можно увидеть, если проанализировать случай Нидерландов [De Vries 1985]. Там доля городского населения в 1675 г. составляла 42 %, а в 1830 г. — всего 35 %. До конца XVII в. численность городского населения в Нидерландах была больше, чем в Англии. Так как смертность в городах значительно выше и рост городского населения обеспечивался за счет миграции из села, то городская смертность стала значимо влиять и на сельскую демографию, особенно на рождаемость и брачность. Отметим, что в Нидерландах до XIX в. средние реальные зарплаты были даже выше, чем в Англии. В XVIII в. «золотой век» Голландии прекратился, а демографический рост на столетие сменился стагнацией — до начала XIX в. Как это объяснить? Де Фрис пишет, что причины стоит искать не в плоскости изменений динамики смертности, а в рождаемости: голландское общество выбрало снижение фертильности как стратегию поддержания уже достигнутого высокого уровня жизни [Там же]. То есть сочетание высокого уровня урбанизации, высокой городской смертности и высоких зарплат не только повышает эффективность экономики, но и преобразует общество, подталкивая его сделать современный выбор — качество жизни вместо количества населения.

Можно задаться иным вопросом: насколько высоким оказался рост зарплат в городах? По этому поводу ведется дискуссия. При сравнении уровня жизни в Англии и долины Янцзы в Китае с 1620 по 1820 гг. неожиданным выводом является утверждение, что реальные зарплаты работников оказываются примерно одинаковыми [Pomeranz 2000; Allen

2009]. Таким образом, даже в XVIII в. нельзя говорить о существенном отрыве Англии от Азии. С этой точкой зрения спорит другая работа, которая подчеркивает, что можно говорить, что реальные зарплаты работников в Англии и Китае примерно равны, но лишь в зерновом эквиваленте. Однако в серебряном, т. е. денежном, эквиваленте зарплаты работников в Англии значимо выше [Broadberry, Gupta 2006]. Покупательная способность зарплат в наиболее развитых регионах Европе была самой высокой, и работники могли позволить себе и более высокое потребление, и более высокую норму сбережения, что в свою очередь повышало эффективность экономики Запада в долгосрочной перспективе.

Резюмируя рассмотрение демографических причин европейской урбанизации, нужно в первую очередь подчеркнуть влияние высокой смертности в городах. С одной стороны, она препятствовала росту городского населения. Наверное, это объясняет то, что города Европы были малочисленнее городов Востока. С другой стороны, высокая смертность могла способствовать росту реальных зарплат и, соответственно, модернизации экономики и общества.

Географические причины. Последняя группа факторов, которые будут рассмотрены в этой работе, — особенности географии. Как это могло повлиять на динамику урбанизации в Европе?

Очевидное преимущество, которое уже обсуждалось выше, — удачное расположение на удобных морских путях. Наиболее выгодная торговля в Европе — это именно морская торговля. Как показывают исследования, даже расположение на важных перекрестках римских сухопутных дорог не влияло на рост городов. Столь сильная значимость доступа к водным путям отличала европейские города от исламских и китайских [Bosker et al. 2013; Xu et al. 2015]. В Азии наиболее выгодные торговые пути были сухопутными. Отметим, что ареал наиболее выгодной морской торговли радикально поменялся в раннее Новое время. Начало эпохи великих географических открытий резко снизило важность Средиземноморья и Балтики и усилило значение Атлантики. Именно доступ к атлантической торговле в сочетании с преобладанием коллегиальных институтов, по мнению Аджемоглу, Джонсона и Робинсона, предопределил взлет экономического могущества Нидерландов и Англии [Acemoglu, Johnson, Robinson 2005]. Ученые отмечают, что с 1500 г. атлантические порты росли быстрее, чем не атлантические и средиземноморские порты или внутренние города [Ibid.: 549]. Атлантическая торговля обогатила и усилила купеческое сословие, которое смогло в ряде стран повлиять на строительство инклюзивных политических институ-

тов (Англия и Голландия). Немаловажно, что с середины XVI в. атлантическая торговля по объему стала превышать средиземноморскую [Ibid.: 550].

Менее очевидное, но крайне важное географическое преимущество — расположение городов в удачной экологической нише. Под «удачной экологической нишей» понимается такое сочетание плодородия земель и климата, которое позволяет достичь высокой производительности труда в сельском хозяйстве и решить вопрос обеспечения городов продовольствием. Рост городов напрямую зависел от способности аграрного сектора накормить своими излишками городских жителей.

По определению горожане — это не крестьяне, они не занимаются сельским трудом [Allen 2000]. Конечно, как уже писалось выше, часто городские жители держали дома скотину и могли даже иметь небольшие земельные участки. Но, как правило, это мало влияло на ситуацию со снабжением продовольствием. На примере голландских крестьян показано, что к 1800 г. только 6 % горожан занимались сельским хозяйством [Ibid.: 4]. С другой стороны, города могли импортировать продовольствие из других мест. Очевидно, что Древний Рим с его населением в 1 млн человек не выращивал для себя еду в области Лацио. Основная часть продовольствия импортировалась: Древний Рим — это первопроходец международной логистики¹¹. Организация бесперебойного снабжения в таких масштабах была возможна только огромным империям. Отметим, что поставки зерна в Рим из Северной Африки без безоговорочного военно-морского преобладания не состоялись бы. После того как в 439 г. вандалы захватили Северную Африку, поставки зерна были потеряны и к 600 г. Рим насчитывал всего около 30 тыс. жителей¹² [Morris 2013: 151]. Это объясняет, почему столичные города росли быстрее — правители отдавали им приоритет в снабжении продовольствием. Без имперской военно-морской мощи городам, особенно нестоличным, приходилось полагаться на самообеспечение.

Можно ли было в раннее Новое время купить продовольствие на свободном рынке без «военных гарантий»? С одной стороны, ответ по-

¹¹ Вот как описывает это Кэролин Стил: «2000 лет назад римляне точно так же считали само собой разумеющимся, что у них на столе есть оливковое масло из Испании и галльская ветчина. Город снабжало продовольствием все Средиземноморье: вино и масло поставляли Испания с Тунисом, свинину — Галлия, мед — Греция» [Стил 2014: 108–109].

¹² В 400 г. — ок. 800 тыс., т. е. падение составило 25 раз!

ложительный. Есть много свидетельств о торговле едой между различными регионами. Польша через балтийские порты продавала зерно в Нидерланды. В Средние века из Польши и Балкан в Германию и Северную Италию пригоняли скот — до 20 000 голов. Ганзейский союз торговал соленой сельдью [Стил 2014]. Однако исследователи отмечают, что даже в случае Нидерландов, одной из наиболее городских и открытых экономик, импорт продовольствия составлял не более 10 % от всего необходимого объема. Таким образом, речь идет об оценке аграрного импорта в районе 5–10 % от потребления. Для Англии эти цифры еще ниже как минимум до начала XIX в. [Allen 2000]. Соответственно, можно сделать вывод о том, что ни производство продовольствия горожанами, ни импорт не были в подавляющем большинстве случаев решениями по снабжению городов едой. Учитывая состояние развития логистики и консервации, это неудивительно. Ширина аграрного пояса вокруг города, из которого удобно подвозить продовольствие в город, — 30 км, т. е. день пути на телеге. Не менее 90 % продовольствия должно было производиться в близлежащей округе [Стил 2014]. По мере разрастания города эта площадь сокращалась — со всеми возникавшими трудностями для снабжения. Даже при снабжении по рекам продовольствие надо было до них довести. Следовательно, рост городского населения напрямую зависел от производительности труда аграрного сектора¹³.

Технически производительность труда в сельском хозяйстве можно разбить на две составляющие: плодородность почв и интенсивность обработки. Первая отвечает за природные факторы, вторая — за человеческие (степень развития сельскохозяйственных технологий).

Насколько важным является качество почв для урбанизации? Американские экономисты Натан Нанн и Нэнси Киан показывают, что степень пригодности почв для выращивания картофеля имела крайне важное значение для объяснения демографического роста в Европе в 1700–1900 гг. [Nunn, Qian 2011]. Исследователи использовали базу данных GAEZ (*Global Agro-Ecological Zones*), которая в детальном виде содержит информацию о пригодности почв для выращивания большинства

¹³ Стил красочно это описывает: «Даже в таком могущественном центре, как средневековая Болонья, максимальное число жителей составляло 72 тыс., пока чума не сократила его до 50 тыс. Если бы не она, у города, скорее всего, возникли бы трудности с обеспечением пищей. Еще в 1305 г. городской совет Болоньи осознал стратегическое значение снабжения продовольствием “из собственных владений”, с чем у более крупного города возникли бы проблемы» [Стил 2014: 105].

сельскохозяйственных культур¹⁴. Наиболее пригодные почвы для картофеля оказались в Европе; его массово начали сажать, начиная с XVIII в. Согласно результатам исследования, переход на выращивание картофеля способен объяснить 25–27 % общего демографического роста в Европе за данный период и до 27–34 % роста урбанизации. Более того, внутри-страновые сравнения показывают, что те города, земля вокруг которых оказалась более подходящей для выращивания картофеля, увеличивались быстрее. Дело именно в картофеле — связи между качеством почвы и ростом населения до 1750 г. практически нет [Ibid.].

Выводы данной работы подтверждаются в другом исследовании, где анализируется интерактивный эффект между пригодностью почв для выращивания картофеля и частотой толерантности к лактозе [Cook 2014a]. Если картофель, богатый углеводами, дополнялся молоком, богатым белками, витаминами и жирными кислотами, то питание становилось намного более насыщенным, что позволяло прокормить гораздо больше людей. Подчеркнем, что в данных работах ключевым аргументом является не измерение потребления картофеля, а пригодность почвы для его выращивания. Объясняющим фактором является не *потребление*, а *география*.

Вторым компонентом производительности труда в сельском хозяйстве является интенсивность технологий. Измерение производительности труда в аграрном секторе с 1500 по 1800 г. (см. *Табл. 8*) показывает, что рост продуктивности на одного работника происходил только в Англии, Бельгии и Голландии [Allen 2000]. При этом он stagnировал или даже слегка падал в Германии и Франции и явно падал в Италии и Испании, особенно в XVIII в. В 1500 г. самая высокая производительность была в Бельгии, а между Англией, Нидерландами, Испанией и Италией почти не было разницы. Уже к 1800 г. Англия и Нидерланды уверенно вырвались вперед, оставив далеко позади Южную Европу. Лидеры роста смогли поменять структуру экономики, создать стимулы для повышения производительности и избежать излишнего демографического давления на селе. Можно говорить об аграрной революции в Англии, Бельгии и Нидерландах. Прорыв в производительности стал происходить благодаря более интенсивному использованию удобрений, внедрению новых способов ведения хозяйства и появившейся системе рыночных стимулов — удовлетворять растущий платежеспособный спрос горожан. По-

¹⁴ Вся поверхность суши разделена на квадраты 0,5 на 0,5 градуса. Каждый из квадратов оценивается по следующим параметрам: осадки, количество влажных дней, облачность, число солнечных дней, сила ветра, тип и состав почв.

хоже, внедрение новых технологий началось в Нидерландах, а потом быстро было усвоено в Англии¹⁵.

Отметим, что урбанизация и рост производительности труда в сельском хозяйстве — это тесно переплетенные процессы, своего рода две стороны одной медали. Рост городского населения создает стимулы для села: рынок сбыта для товарно-ориентированных аграрных хозяйств и место для миграции избыточного крестьянского населения. Но рост городов становится возможным только при увеличении производства продуктов питания при переходе крестьян на более интенсивные технологии.

Показательно сравнение динамики производительности труда на селе в Китае и Западной Европе в раннее Новое время. Культура сельского хозяйства в Китае с технологической точки зрения была намного совершенней европейской [Голдстоун 2014]. Соответственно, производительность сельского хозяйства в Китае изначально была намного выше, чем в любой европейской стране, особенно в долине Янцзы [Allen 2009]. Поэтому там и уровень урбанизации (23 %) не уступал наиболее густонаселенным областям Западной Европы. Но уже в 1800 г. производительность в Голландии, Англии была выше на 10 %. Китай просто стоял на месте, а ряд европейских стран росли быстрыми темпами. Почему Китай не использовал свое преимущество и не обогнал Европу по темпам урбанизации? Возможно, все дело в демографическом давлении. Повышение производительности труда не сопровождалось другими экономическими изменениями, но способствовало высокой рождаемости.

¹⁵ Стил это описывает так: «Голландские фермерские хозяйства представляли собой небольшие участки земли с песчаной почвой, чье плодородие обеспечивалось глубокой вспашкой, постоянной прополкой и большим количеством удобрений — последние в основном поставлялись городами в виде древесной золы и навоза. Деревни и города соединялись разветвленной сетью каналов, по которым на фермы доставлялись городские отходы, а в противоположном направлении шло свежее продовольствие. Но, пожалуй, самым важным достижением голландского сельского хозяйства стал четырехпольный севооборот с периодическим выращиванием кормовых культур, позволявший одновременно улучшить качество почв и прокормить скот зимой; до этого его всегда приходилось забивать поздней осенью. Английские фермеры — особенно те, кто жил в юго-восточных районах страны, имевших тесные торговые связи с Голландией, — быстро осознали пользу, которую принесли эти методы. Возделывание кормовых культур, ставшее центральным достижением английской аграрной революции начала XVIII в., считается заслугой Чарльза Тауншенда [прозванного “турнепсовым Тауншендом”], но в Нидерландах и некоторых районах Восточной Англии оно распространилось еще за несколько десятков лет до его рождения» [Стил 2014: 48].

С XVIII в. «золотой век» долины Янцзы завершается, упадок Китая становится очевидным, и страну начинают сотрясать войны и восстания; не в последнюю очередь из-за перенаселенности [Голдстоун 2014]. Возможно, рост городов сдерживался и политическими факторами. Как пишут Аджемоглу и Робинсон, китайские императоры последовательно проводили политику, направленную на ограничение влияния купеческого сословия, что не могло не привести к стагнации городов как торгово-ремесленных центров [Аджемоглу, Робинсон 2015: 260–263]. Крайне важно, чтобы рост производительности сельского хозяйства сопровождался урбанизацией и ростом городской экономики, иначе он может привести к аграрному перенаселению и сопутствующим социальным потрясениям, свойственным «мальтузианской ловушке».

Резюмируя, можно сказать, что удачное местоположение — важный фактор роста городского населения. Если город имеет доступ к морским торговым путям, то это оказывается преимуществом не только с точки зрения коммерческого процветания купеческого сословия, из-за чего могут расти реальные зарплаты, потребление и спрос на непродовольственные товары. Расположение на торговых путях упрощает снабжение продовольствием; кроме того, растущий спрос богатееющих городов побуждает окрестных крестьян производить больше. Это прямой стимул для внедрения на селе интенсивных технологий. Интересно отметить, что в областях с интенсивно развивающимся сельским хозяйством крепостное право было отменено ранее всего. Можно предположить, что его столь ранняя отмена происходила не без осознания ограниченности роста производительности труда при подневольных крестьянах¹⁶. Хотя оценка эффективности крепостного сельского хозяйства Польши того времени была довольно высокой: в 1800 г. это значение 1,07, что уступает лишь Англии, Бельгии и Нидерландам (см. *Табл. 8*)¹⁷.

¹⁶ Стил пишет об Италии: «Осознавая выгоду от максимального увеличения объема сельскохозяйственной продукции, многие коммуны освобождали крепостных, превращая их в крестьян-землевладельцев (*contadini*), тем самым поощряя их куда усерднее обрабатывать свои участки. В 1257 г. Болонья в один присест освободила 6000 крепостных в обмен на ежегодный оброк размером в половину их сельскохозяйственной продукции: этот шаг социолог Анри Лефевр расценил как зарождение первой в мире капиталистической аграрной системы» [Стил 2014: 45].

¹⁷ Правда, экономическая эффективность крепостной Польши сопровождалась совершенно неэффективной политикой, что привело к коллапсу государственности и разделам Польши. Подробнее об этой связи см. [Дерлугьян 2013: 59–78].

Таблица 8. Производительность труда на 1 работника в сельском хозяйстве, 1500–1800 гг. (Англия в 1500 г. = 1)

Страна	1500	1600	1700	1800
Англия	1	0,76	1,15	1,43
Нидерланды	1,07	1,06	1,24	1,44
Бельгия	1,39	1,26	1,2	1,11
Франция	0,83	0,72	0,74	0,83
Германия	0,74	0,57	0,54	0,67
Испания	0,89	0,76	0,87	0,7
Италия	0,8	0,83	0,81	0,57
Польша	0,93	0,78	0,94	1,07
Китай	–	1,4	1,4	1,4

Источники: Allen 2000: 19; Allen 2009: 532.

В определенной мере рост производительности труда в сельском хозяйстве Северо-Западной Европы был обусловлен сугубо природными факторами. Об измерении экологических условий я поговорю в следующей части.

Экология и аграрная продуктивность в Европе 1500–1800 гг.: эмпирический анализ

В своем предыдущем препринте я уже отмечал уникальность экологической ниши в Западной Европе, которую можно выразить как минимум тремя особенностями. Во-первых, редкое сочетание земледелия и животноводства, возможно, по причине аномально высокой доли толерантности к лактозе [Щербак 2017]. Особенности, которые определялись необходимостью выпаса крупного рогатого скота, оказались довольно существенны. Европейцам приходилось в большей степени заботиться о кормовых культурах, сберегать больше земли под леса, луга и пастбища. Во-вторых, важным отличием Европы был ее климат и характер осадков: постоянные дожди определили осадковый, а не ирригационный характер земледелия. Социальные эффекты этих двух типов я уже описывал ранее [Там же]. Также прохладный климат препятствовал распространению многих болезней [Murtagh, Schaller 2010]. В-третьих, значительная часть Западной Европы имела доступ к удобным морским путям, что облегчало торговлю и снабжение городов продовольствием.

Наличие большого числа судоходных рек обеспечивало доступ к морю и прибрежным районам. Кроме того, вода не была дефицитом в Европе, что создавало больше возможностей для автономии европейских обществ в широком смысле этого слова [Welzel 2016].

Далее я сравниваю семь европейских стран по пяти показателям оценки экологии.

Индекс прохладной воды (*Cool water index*) характеризует «водную автономию» обществ. Он сводит вместе три компонента: а) относительно низкую среднегодовую температуру по всей территории; б) продолжительные всесезонные осадки; в) наличие водных путей, доступных для постоянной навигации [Welzel 2013; Welzel 2016]. Индекс варьируется от 0 (наименьшая водная автономия) до 1 (максимальная водная автономия). Также я отдельно рассматриваю два из трех компонентов данного индекса:

а) относительно низкую среднегодовую температуру по всей территории (*умеренность климата*). Она измеряется как отношение населенной территории с прохладным дождливым климатом к территории с жарким/сухим климатом.

б) *доступ к водным путям*. Рассчитывается как доля территории страны в радиусе 100 км от незамерзающих водных путей.

Пригодность почв для сельского хозяйства, % территории страны. Этот показатель отражает возможность выращивания всех основных сельскохозяйственных культур. Он учитывает вариацию пригодности почв для каждой из культур (восемь категорий: очень высокая, высокая, хорошая, средняя, умеренная, условно пригодная (*marginal*), едва пригодная (*very marginal*) и непригодная), в условиях осадкового орошения, с возможностью учета интенсивности возделывания (высокая, средняя, низкая и смешанная). Итоговый показатель отражает долю пригодных почв, которые относятся к категории «средняя» и выше в условиях средней интенсивности возделывания. Источник: данные проекта GAEZ (*Global Agro-Ecological Zones*)¹⁸.

Устойчивость осадков — показатель, отражающий степень перепада осадков в течение года. Он рассчитывается как отношение минимального уровня месячных осадков к максимальному уровню месячных осадков. Источник: [Van de Vliert et al. 2018].

¹⁸ GAEZ 2000. Global Agro-Ecological Zones (<https://webarchive.iiasa.ac.at/Research/LUC/GAEZ/index.htm>).

Пригодность почв для пастбищ, % территории страны (от 0 до 1). Показатель, отражающий возможность для выпаса скота. Учитывает особенности почв, климата и ландшафта. Источник: [Cook 2014a].

Толерантность к лактозе, % населения с переносимостью (фенотип). Способность усваивать молоко влечет за собой важные социальные эффекты — как на уровне организации сельского хозяйства, так и на уровне общественных отношений [Щербак 2017]. Источник: [Cook 2014b].

Таблица 9. Характеристики экологической ниши для ряда западноевропейских стран

Индикаторы	Англия	Нидерланды	Бельгия	Франция	Германия	Италия	Испания
Индекс прохладной воды (<i>Cool water Index</i>)	0,85	0,86	0,87	0,79	0,83	0,61	0,52
Умеренность климата, %	1	1	1	0,97	1	0,64	0,61
Доступ к водным путям	1	1	0,99	0,9	0,95	0,91	0,66
Пригодность почв для сельского хозяйства, % территории	43,3	33,4	56,7	57,2	63,8	36,9	11,2
Устойчивость осадков	0,578	0,563	0,558	0,547	0,5	0,116	0,208
Пригодность почв пастбищ, % территории	61,2	57	61	69,7	59,9	45,9	23,5
Толерантность к лактозе, % населения	0,93	0,86	0,82	0,62	0,86	0,44	0,67

Источники: Welzel 2013; Welzel 2016; Cook 2014a; Cook 2014b; GAEZ 2000; Van de Vliert et al. 2018.

Сравнение данных по странам (см. Табл. 9) позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, экологическая ниша в Южной Европе

оказалась менее благоприятной, чем в Северо-Западной и Западной. Климат там более жаркий и сухой, доступ к воде более ограничен, что сказалось на пригодности почв для сельского хозяйства и пастбищ; переносимость лактозы хуже. Можно предположить, что менее плодородные почвы накладывали определенные ограничения на рост городов этого региона. Во-вторых, между «лидерами» урбанизации — Англией, Нидерландами и Бельгией — и «среднячками» — Францией и Германией — разницы в экологических условиях нет. У всех этих стран высокие значения «водной автономии», пригодности почв и толерантности к лактозе. Экологические условия благоприятствовали развитию сельского хозяйства в этих странах, но в сочетании с другими факторами. Можно задать другим вопросом: в какой степени эти условия отличались от других стран? Данные по России, Китаю, Турции и Египту показывают, что в этих странах экологическая ниша была не столь удачной. Альтернативная стратегия в иной климатической обстановке — переход на ирригационное земледелие (кроме России). Отмечается, что на пике развития такой системы китайские крестьяне могли собирать по несколько урожаев риса в год; но земледелие периодически страдало от засух или излишних и ранних дождей [Голдстоун 2014]. Однако рост производительности аграрного сектора тогда достигается за счет бесконтрольного усиления государства при строительстве, поддержке и охране ирригационных сооружений. Урбанизация может проходить и в восточных деспотиях, но только до определенного уровня.

Таблица 10. Характеристики экологической ниши для ряда стран

Индикаторы	Китай	Россия	Турция	Египет
Индекс прохладной воды (<i>Cool water Index</i>)	0,38	0,46	0,37	0,51
Умеренность климата, %	0,48	0,79	0,40	0,43
Доступ к водным путям	0,45	0,07	0,53	0,99
Пригодность почв для сельского хозяйства, % территории	0,120	0,118	0,229	0,0002
Устойчивость осадков	0,012	–	0,208	0,000
Пригодность почв пастбищ, % территории	0,267	0,188	0,176	0,022
Толерантность к лактозе, % населения	0,079	0,545	0,335	0,274

Источники: Welzel 2013; Welzel 2016; Cook 2014a; Cook 2014b; GAEZ 2000; Van de Vliert et al. 2018.

Резюмируя, можно утверждать, что рост городов в раннее Новое время в Европе происходил в регионах с максимальной производительностью труда в аграрном секторе. Я склонен рассматривать эту производительность не только как результат интенсивности технологий или эффект институтов, но и как свойство географии.

Демографический контекст крайне важен для объяснения всех элементов модернизации, особенно урбанизации. С этой точки зрения, мои выводы подчеркивают важность структурных условий — экологии и географии — на институциональное развитие. Особенность экологической ниши довольно сильно влияет на специфику сельского хозяйства, в том числе на потенциал роста его производительности, что в свою очередь значительно влияет на демографические процессы, включая урбанизацию.

Заключение

При детальном рассмотрении картина урбанизации в Европе в раннее Новое время оказывается довольно сложной. При использовании не одного, а целого набора показателей для измерения общая картина вырисовывается не совсем однозначной. По доле городского населения лидируют Нидерланды, по числу городов и числу городских жителей — Италия, по динамике роста — Англия, по росту крупных городов — Англия и Франция. Как решить, что важнее — доля, число или динамика? Динамика роста и размер крупнейших городов кажутся наиболее правильными ответами, но будет ли это подгонкой ответа под тезис об англосаксонском превосходстве?

Это вновь приводит нас к дискуссии о восприятии урбанизации в раннее Новое время: «костры процветания» vs. «останки феодализма». Мнения исследователей из разных сфер расходятся. Привлекательная идея о небольших, но прогрессивных и автономных городах, которые стали рассадниками капитализма, оказывается упрощением общей, гораздо более сложной картины. С другой стороны, густонаселенные капиталистические промышленные города унаследовали слишком много от бюргерско-купеческой эры, чтобы отмахнуться от этого наследия. На мой взгляд, самой важной частью наследия доиндустриальной эпохи является сам факт сосуществования разных типов городской организации — как сети равноправных средних городов, так и системы с доминированием крупных, как правило, столичных городов.

Становление централизованных национальных государств в Европе выдвинуло вперед крупные столичные города, ставшие одновременно как административными, так и экономическими центрами. Взлет мегаполисов снизил роль небольших городов, некоторые из которых смогли уже возродиться в XIX в. как промышленные центры. Однако именно небольшие и средние города дали важные институциональные инновации, которые сыграли огромную роль в зарождении капитализма [Грейф 2013].

Рассмотрение причин урбанизации оставляет еще больше вопросов. Одно можно утверждать наверняка: никакого «суперфактора» урбанизации не существует. Нет такой «самой важной» причины, которой можно объяснить возвышение европейских городов. Это относится и к перевозимым институциональным факторам: создание органов коллегиального самоуправления сыграло огромную роль для развития городов, но, на мой взгляд, их бессмысленно рассматривать вне контекста демографии, географии и экологии. Все причины оказываются тесно переплетенными между собой. Если сложить вместе все факторы, то получается довольно сложная мозаика:

Урбанизация = *Институты + столичность + крепостное право + (смертность + миграции) + порт + интенсивность сельскохозяйственных технологий + пригодность почв*

Если убрать хотя бы одно слагаемое, то динамичной урбанизации может и не произойти. Все элементы сильно взаимосвязаны. Без высокой производительности труда в сельском хозяйстве не было бы снабжения горожан продовольствием; без порта не было бы торговли, богатства и снабжения продовольствием; без миграций в город не было бы роста населения; без высокой смертности не росли бы зарплаты, потребление и спрос на товары; с крепостным правом не было бы свободы миграций в города; без столичности не было бы притока ресурсов, приоритета в снабжении продовольствием, роста торговли; без институтов не было бы развития торговли, ремесел, роста зарплат. Развитие торговли влечет за собой рост зарплат, удовлетворение растущего спроса на продовольственные и непродовольственные товары, смертность из-за новых болезней, приносимых торговцами. Столичные города привлекают воинские контингенты, приносящие новые болезни.

Для объяснения модернизации в целом и процесса урбанизации в частности я предлагаю структурный подход. Согласно ему, модернизация — это синдром.

Особо хочется подчеркнуть значимость удачной экологической ниши, от которой во многом зависит производительность сельского хозяйства. Речь идет не о географическом детерминизме, а об интерактивном эффекте экологии и институтов. Инклюзивным институтам легче вызреть в благоприятных географических условиях. Изучение урбанизации часто предполагает рассмотрение городов в противопоставлении деревне. На мой взгляд, это не совсем верно. Успешная урбанизация не могла бы происходить без структурных изменений в сельском хозяйстве. Европейцы в раннее Новое время стали получать выгоду от своих *естественных* преимуществ. Экология и география в прямом смысле подготовили почву для вызревания уникальных институтов, которые обеспечили невиданный модернизационный рывок Западной Европы в XIX в.

Литература

Андреев Е. О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. 2012. № 11. С. 21–35.

Аджемоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015.

Ахиезер А. Диалектика урбанизации и миграции в России // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 78–89.

Голдстоун Д. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

Грейф А. Институты и путь к современной экономике: уроки средневековой торговли. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013.

Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. наброски на макросоциологические темы. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.

Кларк Д. Микробы, гены и цивилизация. М.: Эксмо, 2011.

Мокир Дж. Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

Мур Б. Социальные истоки диктатуры и демократии. Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016.

Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014.

Стил К. Голодный город: Как еда определяет нашу жизнь. М.: Strelka Press, 2014.

Травин Д. У истоков модернизации: Россия на европейском фоне (доклад второй). Препринт М-31/13. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. URL: https://eu.spb.ru/images/M_center/preprint_Dmitrii_Travin_2013.pdf (доступ 28.02.2018).

Шах С. Пандемия: Всемирная история смертельных вирусов. М.: Альпина Паблишер, 2017.

Щербак А. Как происходит изначальный выбор институтов? Критика концепции «случайности развития» и структурный подход. Препринт М-54/17. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. URL: https://eu.spb.ru/images/M_center/M_54_17.pdf (доступ 28.02.2018).

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. The rise of Europe: Atlantic trade, institutional change, and economic growth // *American Economic Review*. 2005. N 95(3). P. 546–579.

Allen R. Economic structure and agricultural productivity in Europe, 1300–1800 // *European Review of Economic History*. 2000. N 4(1). P. 1–25.

Allen R. Agricultural productivity and rural incomes in England and the Yangtze Delta, c. 1620–c. 1820. // *The Economic History Review*. 2009. N 62(3). P. 525–550.

Bairoch P. Cities and economic development: from the dawn of history to the present. Chicago: University of Chicago Press, 1991.

Bosker M., Buringh E., van Zanden J. From Baghdad to London: Unraveling urban development in Europe, the Middle East, and North Africa, 800–1800 // *Review of Economics and Statistics*. 2013. N 95(4). P. 1418–1437.

Broadberry S., Gupta B. The early modern great divergence: wages, prices and economic development in Europe and Asia, 1500–1800 // *The Economic History Review*. 2006. 59(1). P. 2–31.

Chandler T. Four Thousand Years of Urban Growth. An Historic Census. Lewiston, NY: Edwin Mellen Press, 1987.

Cook J. Potatoes, Milk and the Old World Population Boom // *Journal of Development Economics*. 2014a. Vol. 110. P. 123–138.

Cook J. The Role of Lactase Persistence in Precolonial Development // *Journal of Economic Growth*. 2014b. Vol. 19. P. 369–406.

De Long B., Shleifer A. Princes and merchants: European city growth before the industrial revolution // *The Journal of Law and Economics*. 1993. N 36(2). P. 671–702.

De Vries J. The population and economy of the preindustrial Netherlands // *The Journal of Interdisciplinary History*. 1985. N 15(4). P. 661–682.

De Vries J. European Urbanization, 1500–1800. Oxford: Routledge, 2006.

Malanima P. Italian Cities 1300–1800. A quantitative approach // *Rivista di storia economica*. 1998. N 14(2). P. 91–126.

Morris I. The Measure of Civilization: How Social Development Decides the Fate of Nations. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2013.

Murray D., Schaller M. Historical Prevalence of Infectious Diseases within 230 Geopolitical Regions: a Tool for Investigating Origins of Culture // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2010. N 41(1). P. 99–108.

Nunn N., Qian N. The potato's contribution to population and urbanization: evidence from a historical experiment // The Quarterly Journal of Economics. 2011. N 126(2). P. 593–650.

Pomeranz K. The great divergence: China, Europe, and the making of the modern world economy. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2000.

Van de Vliert E., Welzel C., Shcherbak A., Fischer R., Alexander A. Got Milk? How Freedoms Evolved from Dairying Climates // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2018 (under revision).

Voigtländer N., Voth H.-J. The three horsemen of riches: Plague, war, and urbanization in early modern Europe // Review of Economic Studies 2013. N 80(2). P. 774–811.

Welzel C. Freedom rising. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Welzel C. The Cool Water Effect. Civilization's Turn into Human Empowerment. Unpublished manuscript. 2016.

Xu Y., van Leeuwen B., van Zanden J. Urbanization in China, ca. 1100–1900 // CGEH Working Paper. Series 63. 2015.

Источники данных

Население отдельных городов

Urbanization Hub 2013. The Clio-infra database on urban settlement sizes: 150022000. URL: <http://www.cgeh.nl/urbanisation-hub-clio-infra-database-urban-settlement-sizes-1500-2000> (доступ 28.02.2018).

Население

Gapminder. Total population with projections. URL: <http://www.gapminder.org/data/> (доступ 28.02.2018).

Качество почв

GAEZ (Global Agro-Ecological Zones), version 1.0. URL: <https://webarchive.iiasa.ac.at/Research/LUC/GAEZ/index.htm> (доступ 28.02.2018).

Андрей Щербак

**Парадоксы европейской урбанизации в раннее
Новое время (1500–1800 гг.):
структурный подход**

Препринт М-66/18

В авторской редакции
Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург,
ул. Гагаринская, 6/1
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 10.05.18.

Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Книги, подготовленные сотрудниками М-Центра:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**,
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О.Л., ред. **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**. СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред. **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Gel'man V., Marganiya O., eds. **RESOURCE CURSE AND POST-SOVIET EURASIA:
OIL, GAS, AND MODERNIZATION**. Lanham, MD: Lexington Books, 2010.

Травин Д. **ОЧЕРКИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ. КНИГА ПЕРВАЯ: 1985–1999**.
СПб.: Норма, 2010.

Гельман В., Маргания О., ред. **ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТРАЕКТОРИИ, РАЗВИЛКИ, ТУПИКИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Травин Д., Маргания О. **МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР ДО ЕГОРА ГАЙДАРА**.
М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2011.

Гельман В. **ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ. РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ СССР**.
СПб.: БХВ-Петербург, 2013.

Добронравин Н. **МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ОБОЧИНЕ: ВЫЖИВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**. СПб.: Издательство Европейского
университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Стародубцев А. **ПЛАТИТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОИГРЫВАТЬ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И
ФЕДЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2014.

Заостровцев А. **О РАЗВИТИИ И ОТСТАЛОСТИ: КАК ЭКОНОМИСТЫ ОБЪЯСНЯЮТ
ИСТОРИЮ**. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014.

Gel'man V., Travin D. & Marganiya O. **REEXAMINING ECONOMIC AND POLITICAL REFORMS
IN RUSSIA, 1985–2000: GENERATIONS, IDEAS, AND CHANGES**.
Lanham, MD: Lexington Books, 2014.

Gel'man V. **AUTHORITARIAN RUSSIA: ANALYZING POST-SOVIET REGIME CHANGES**. Pittsburgh:
University of Pittsburgh Press, 2015.

Травин Д. **КРУТЫЕ ГОРКИ XXI ВЕКА: ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РОССИИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Тарасенко А. **НЕКОММЕРЧЕСКИЙ СЕКТОР В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА
И РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ**.
СПб.: НОРМА, 2015.

Травин Д. **ПРОСУЩЕСТВУЕТ ЛИ ПУТИНСКАЯ СИСТЕМА ДО 2042 ГОДА?** СПб.: НОРМА, 2016.

Травин Д., Гельман В., Заостровцев А. **РОССИЙСКИЙ ПУТЬ: ИДЕИ, ИНТЕРЕСЫ, ИНСТИТУТЫ,
ИЛЛЮЗИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.

